

18+

Арон Липовецкий

Разноголосица

Неровные стихи

Арон Липовецкий

Разноголосица. Неровные стихи

«Издательские решения»

Липовецкий А.

Разноголосица. Неровные стихи / А. Липовецкий —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-516525-1

Под одной обложкой читатель найдет четыре различных тетради стихов. Ключ к прочтению «неровного» автора спрятан в метаморфозах лирического героя. Автор словно написал стихи от лица персонажей своего панорамного романа. Роман утрачен, а стихи сохранили коллизии и перипетии отношений его героев. «Неровная» непредсказуемая поэзии сохранила панорамный эффект.

ISBN 978-5-00-516525-1

© Липовецкий А.
© Издательские решения

Содержание

Голоса утерянного романа	6
Тетрадь «Dolce vita»	7
«Замешкаешься – темень за окном...»	7
Пролог	8
«Мёртвое море летецкий союз...»	9
«На моей на улице дом высок...»	10
Мост	11
Сильвия Плат. Песня любви одержимой девушки	12
«Или я не дружил с нищетой?..»	13
Столпник	14
Мой багаж	15
Иерусалим	16
«Я не русский, я просто татарин...»	17
Сны Иуды Галеви	18
1. Сон	18
2. В Храме	18
3. На отъезд Моше ибн Эзры	18
«Жидрик, жидрик, не робей!..»	20
«Ночь-то мы переживем...»	21
Тетрадь Письма из дома	22
Правда	22
Выживание	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

**Разноголосица
Неровные стихи
Арон Липовецкий**

© Арон Липовецкий, 2020

ISBN 978-5-0051-6525-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Голоса утерянного романа

Вместо предисловия

Тонкие ценители с первых, конечно, отрицательных откликов и рецензий находили у меня чудовищный дефект: «он пишет неровно», «в него трудно вчитаться», «у этих стихов несколько авторов». Один сертифицированный рецензент насчитал у меня шестерых авторов.

Какое-то время этот факт огорчал меня, пока я не истолковал его, как синопсис эссе. Краткий разворот синопсиса выношу в качестве предисловия-подсказки для чтения.

Одно из свойств поэта, «узнаваемого по строке», состоит в статичности лирического героя, как бы этот термин ни понимать. Такой автор узнаваем, а стихи ожидаемы. В живописи такие портретисты пишут своих заказчиков с одной дистанции и в одном и том же ракурсе и освещении. Возникающая предсказуемость и привлекает заказчиков. И читателей!

Ключ к прочтению «неровного» автора спрятан в метаморфозах лирического героя. Меняя возраст, среду обитания, взгляды, образование лирического героя, автор обнаруживает еще один ресурс художественного текста. Можно вспомнить, что для прозы это рутинная.

В стихах, уже в виду их относительной краткости и часто отсутствия персонажей, этого добиться сложнее. Но представьте себе, что автор написал стихи от лица персонажей своего большого панорамного романа. Роман пропал, скажем, сгорел, а стихи остались. Такова «неровная» поэзия.

Читателю всякой книги стихов стоит спросить себя: а кто это говорит? Часто ответ будет прост, но иногда это окажется совсем не тот, кто произнес предыдущие стихи. Так лирический герой становится участником монтажа, персонажем книги, проживающим свою жизнь. А, может быть, это персонаж из другого сочинения? А что было в пропавшем романе?

Останавливаюсь. А вам семь футов под килем.

Тетрадь «Dolce vita»

«Замешкаешься – темень за окном...»

Замешкаешься – темень за окном,
забудешься – дождя не оберешься,
сойдет с небес за яблочным руном,
растянет сети, и не отобьешься.

Не сосчитать, что истекло окрест.
И с ног собьет, и вывалит в прахе,
поволочет по щебню дат и мест,
под музыку рубцов из-под рубахи.

Пролог

Поэт – рыба обреченная, понявшая, что поймана.
Тунец рвется, мощный, презирая боль и кровь,
не верит, что мелкий крючок – это всё, это приговор.
Локус забирается в узкую расселину, топорщится,
на смерть впивается в скалы шипами плавников.
Камбала прижимается ко дну, зарывается в песок:
– Меня нет, это не я, я камень, я безмолвие.

Порвана в клочья их свобода, они бормочут
с кем ни попадя о бирже, о любви, о погоде.
Заговаривают боль, треплются о распятых, о политике.
Льется долгие вите речью обреченного.
Называют это пророчеством,
восхищаются переключкой голосов,
находят в этом миссию.

А юркая мелочь сама ломится в кошельковый невод.
Ярких и вычурных отбирают для аквариумов,
кормят, чтобы не жрали друг друга,
называют поэтами и назначают им цену.

«Мёртвое море летейский союз...»

Мёртвое море летейский союз
дочери Лота хасидский картуз
пляшут бородками тряско
тфилнами в мотоколяске.
Солью упёрлась их мама про нас,
талес сгоревший от Спаса не спас,
Запропастился родимый Содом
лунной дорожкой под первым кустом.
Там ваши штраймлы и шляпы
дочери прячут от папы.

«На моей на улице дом высок...»

На моей на улице дом высок,
Перед ним в проулок нырну я вбок
За решеткой там апельсин в росток.
Вдоль узора мне на носках идти,
Знаю, к ночке дереву отцвести.
Мне ли палый цвет удержать в горсти?
Будет ночь-полночь в звёздах-лепестках,
Даже Млечный Путь щедрою пропах.
И к утру в оранжевых фонарях
Солнце затеряется в облаках.

Мост

«Жизнь – это узкий мост и не надо бояться его перейти»

Раби Нахман из Брацлава

Тебе дано один раз пронестись
сгустком миражей и воспоминаний
по узкому шаткому мосту,
по квантовому туннелю времени.
Здесь нельзя сбавлять скорость,
оглядываться
и нелепо бояться.

Сильвия Плат. Песня любви одержимой девушки Вилланелла

Глаза закрою – меркнет белый свет;
А веки подниму – жизнь предо мной.
(Ты морок! Мой ночной кошмар и бред.)

Уносит звезды сине-алый след,
Вальсируют с бездонной глубиной.
Глаза закрою – меркнет белый свет.

Мне снилось: повалил меня на плед,
Луну пропел, зацеловал родной.
(Ты морок! Мой ночной кошмар и бред.)

Ни Бога нет, нет ни огня ни бед,
Умолкли агнцы вслед за сатаной:
Глаза закрою – меркнет белый свет.

Поверила, ждала – увял букет.
Я выросла. Ты шел бы стороной.
(Ты морок! Мой ночной кошмар и бред.)

А мог быть буревестник мной пригрет,
Ревел бы в ливне, возвратясь весной,
Глаза закрою – меркнет белый свет
(Ты морок! Мой ночной кошмар и бред.)

1953 г., перевод 2019 г.

«Или я не дружил с нищетой?..»

Или я не дружил с нищетой?
Я давно ее прихоти знаю,
и колючий сухарь за щекой,
и пробежку за тесным трамваем.

Зря, малыш. Зря ты клянчишь тепла.
Ты силач, ты ловкач, ты не трус.
Привыкай! Выжигает дотла.
Не испытывай жизнь на прикус.

Столпник

Солнце там палит,
сухо, пыльно, безлюдно.
Удалился он на столп
и отстоял до дыр
мощи свои напрочь.
Такое место выбрал
сын человеческий
говорить с сыном божьим,
вопрошать годами:
– Какого тебе рожна?

Мой багаж

– Будь человеком и слушай музыку сфер,
– это весь мой багаж, я сел налегке в такси.
С тех пор я летаю по городам и делам.
И вот узнаю, что невозможно вернуться.
Напутствие стало последним наследством.

Быть человеком? Что-то испорчено во мне?
Холодной такой не бывает музыка сфер.
Он согревался ею и ждал меня научить
воспарять из шума моторов и голосов.

Иерусалим

Как буланный верблюд о двух холмах,
Иерусалим попирает прах.
Что ему твоя совесть, твой гнев и страх?
Что ему аромат пирогов,
Да итоги валютных торгов?
Он и сам не промах, и сам таков.
Он колоду держит в своей горсти.
Приходи и ты на миньян к шести.

«Я не русский, я просто татарин...»

Я не русский, я просто татарин,
И на Чуйском ворсистом тракту
Этой ночью пуховой затарен,
Сплю под Спасом в душистом скиту.

Обменяю товар на варенье,
Трели, косточку, гулкий глоток.
Налитые дорогой колени
Отогреет узорный платок.

И пока этой ночью торгую,
Как футляром, где прячут Талмуд,
Комариные самки, тоскуя,
Иудейскую кровь соберут.

Сны Иуды Галеви

1. Сон

Подстригаю ногти,
мне же идти в дом Его,
мне же наверху, у ворот
петь с левитами на ступенях,
мне же обонять воскурения
и гарь над жертвенником.
Ногти будут ровные и чистые,
голос мой легок и звонок,
талит безупречен.
И, когда буду готов я, сон прервется.
Знаю, предчувствие Храма
пребудет со мной весь день.
Так почему же горек мой сон?

2. В Храме

На изнанке реальности, Иуда, твой сон я видел.
И снился мне Храм. Из окна иерусалимского дома
видел его наверху, куда ведет моя улица.
На богослужении не встретимся мы, но будем рядом
слышать голоса левитов и плеск талитов на ветру.
Так движемся мы по листу Мебиуса, с разных сторон
одного и того же сна, с одной и той же молитвой.
К утру вернется ветер, я проснусь двойственным утром.
, Да пребудут ангелы над изголовьем моих детей
они так смело спят, с такой отвагой дышат
под пологом благословения,
которое было даровано в Храме тебе и мне.

3. На отъезд Моше ибн Эзры

Встречи, беседы ли наши прилипли к тебе, не знаю,
роднящая ясность шестого круга, когда я догоняю,
голодными суками поплелись за тобой в изгнание.
А меня в ночи щенячьей смерть с руки накормит
снами. Или считать их, мол, вернёшься и будешь прежним?
Веришь ли, я лампу залил слезами, то-то темно так.
Это же ты сиял здесь, пылал закатным огнем кромешным.

Лежат тяжелой тьмою нагие камни, где был светильник,
так верни же пламя свое на Запад, здесь заалет.
Плавил в тигле свинцовую мерзость, и вот застыла колом,
не шевельнуться. Память твоя скована, еле тлеет
в речи, опечатан язык мой косным глухим глаголом.

«Жидрик, жидрик, не робей!..»

Жидрик, жидрик, не робей!
Прыгай, шустрик воробей,
Ты же голубых кровей!
Наш братишка – соловей.
И когда под утро льется
Божий глас среди ветвей,
Не стесняйся, отзовется
Твой чирик в крови моей.

«Ночь-то мы переживем...»

Ночь-то мы переживем,
ночью есть куда приткнутся,
в ней не страшно и проснуться
одинокими вдвоем.
Но на солнце среди дня —
щебет робок, тени кротки,
ни оглядки, ни мороки,
голоса не прикоснутся,
линии не оплетут —
на неспрятанном виду
потеряешь ты меня.
Все, что пережить в ночи
было можно, было можно,
растерзает на свету
в нежном ласковом аду.
Растворюсь горячей линзой,
тенью воздуха раскинусь —
мне не вынести блаженства,
потеряешь ты меня,
потеряешь ты меня.

Тетрадь Письма из дома

Правда

– Слышишь! Форум бурлит! Демос полон отваги!
Ритор народ гоношит, требует суд распустить.
Что ты пылишь с антресолей иссохшей бумагой?

Что же бочком ты крадешься, толпу презирая?
Что ты приводишь свидетелей скучных с окраин?
А еще говорят о тебе, будто правда – прямая.

Всем надоела ты, тетка, репей неотвязный.
Мелких деталей песок, хронологии цепкость,
и перекрестные ссылки – все от тебя неуместно.

Что же стихают восторги, толпа поредела?
Что вдруг тебя полюбили? Смирились? Боятся?

– Видно за дело, родимый, видно за дело.

Выживание

Эволюция выработала разные типы поведения самцов.
Один вступает в столкновение с внешним врагом,
другой обеспечивает нужную мутацию.
Для выживания популяции важны оба типа,
она не оставляет свободы выбора.

Академик слушает автоответчик:
– Это сестра Бори, вы учились с ним на физмате.
Помните, после первого курса вы вместе решали
продолжать ли учебу? Летом сорок первого?
Популяция нуждалась в металлургах, им давали бронь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.